

Азбука
PREMIUM

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ

Обещание

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4ШВа)-44
Д 97

Friedrich Dürrenmatt
DAS VERSPRECHEN

First published in 1958, Verlag der Arche, Zürich
Copyright © 1985 by Diogenes Verlag AG Zürich

DIE PANNE

First published in 1956, Verlag der Arche, Zürich
Copyright © 1985 by Diogenes Verlag AG Zürich

DER HUND

Copyright © 1986 by Diogenes Verlag AG Zürich
DER TUNNEL

Copyright © 1986 by Diogenes Verlag AG Zürich
All rights reserved

Перевод с немецкого Романа Эйвадиса

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-11030-4

© Р. Эйвадис, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Обещание

Реквием

по детективному жанру

1

В марте этого года по приглашению Общества имени Андреаса Дахиндена я приехал в Кур, чтобы прочитать доклад об особенностях детективного жанра в литературе. Был уже почти вечер, когда я вышел из поезда; на обледеневшем перроне, под мрачными тучами, клубилась снежная вьюга. Народу в конференц-зале Коммерческого союза, где проходило мероприятие, было негусто, потому что в это же самое время в актовом зале гимназии Эмиль Штайгер читал доклад о позднем творчестве Гёте. Я говорил без особого воодушевления, публика тоже была далека от восторга, и многие покинули помещение еще до окончания доклада. Пообщавшись несколько минут с членами правления общества, двумя-тремя учителями гимназии, которые тоже предпочли бы моему выступлению доклад о Гёте, и некой дамой, подвизавшейся на ниве благотворительности, почетной попечительницей Восточно-Швейцарского союза домработников, и расписавшись в получении гонорара и суточных, я отбыл в отель «Козерог» неподалеку от вокзала, где мне был забронирован номер. Но там тоже царил тоска. Другого чтения, кроме какой-то немецкой экономической газеты и старого выпуска «Вельтвохэ», в номере не нашлось, тишина казалась

поистине зловещей, о сне не могло быть и речи — из-за страха уснуть и не проснуться. А вокруг — ночь, безвременная и призрачная. Снегопад кончился, все стихло, замерло, уличные фонари больше не качались — ни порыва ветра, ни прохожего, ни кошки, ни собаки; только со стороны вокзала донесся одинокий пронзительно-протяжный гудок. Я спустился в бар выпить виски. Кроме немолодой барменши там был единственный посетитель, который сразу же представился, едва я успел сесть. Это был доктор Х., бывший префект цюрихской кантональной полиции, высокий грузный мужчина в старомодном костюме; из кармана жилета торчала золотая цепочка от часов — зрелище в наше время довольно редкое. Несмотря на преклонный возраст, ни его черный ежик на голове, ни пышные усы еще не были тронуты сединой. Он сидел у стойки на высоком стуле, пил красное вино, курил сигару «Баианос» и обращался к барменше по имени. Его грубоватая непринужденность — громкий голос и оживленная жестикуляция — и привлекали меня, и отталкивали. Около трех часов ночи, когда вместо одного «Джонни Уокера» я пропустил целых пять, доктор Х. предложил мне поехать вместе с ним утром до Цюриха на его «опель-капитане». Окрестности Кура, да и вообще эта часть Швейцарии были мне малознакомы, и я согласился. Он приехал в Граубюнден по делам как член какой-то федеральной комиссии и, застряв в Куре из-за непогоды, тоже слушал мой доклад, но впечатлениями делиться не стал, ограничившись коротким замечанием:

— Докладчик вы, прямо скажем, не самый искушенный.

Утром мы тронулись в путь. Вернувшись из бара, я, чтобы хоть немного поспать, принял две таблетки медомина и теперь чувствовал себя как парализованный. Мгла за окном никак не могла рассеяться, хотя день давно уже наступил. Где-то вдалеке тускло поблескивал клочок неба, с трудом пробившись сквозь тяжелые, медленно ползущие над самой землей тучи; зима явно не торопилась покидать эту местность. Город плотным кольцом обступили горы, в которых не было ничего величественного — они скорее напоминали высокие земляные насыпи или груды земли из свежерытой гигантской могилы. Сам же Кур казался сплошь каменным, серым, состоящим из одних казенных домов. Трудно было себе представить, что здесь растет виноград. Мы попытались въехать в старый город, но тяжелый, неуклюжий автомобиль с трудом продирался сквозь путаницу узких улочек; мы то и дело попадали в тупики и на дороги с односторонним движением, пятились задом по обледеневшей булыжной мостовой и с облегчением вздохнули, выбравшись наконец из города. Я так ничего толком и не увидел в этой древней епископской резиденции. Это было похоже на бегство. Я сидел в полудреме, ощущая во всем теле свинцовую тяжесть. Мимо все ползла и ползла под низкими тучами покрытая снегом, очоченевшая от холода долина. Не помню, сколько времени это продолжалось. Потом впереди показались дома — не то большая деревня, не то маленький городишко. Они медленно, как бы осторожно надвигались на нас, и вдруг хлынуло солнце: все было мгновенно залито таким ослепительным, яростным светом, что снег начал таять

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ

на глазах. Над заснеженными полями стал подниматься белый туман, опять отделивший от меня долину прозрачной завесой. Все это казалось зловещим сном, в котором меня заколдовали, чтобы я так и не увидел ни этих гор, ни этой равнины.

Опять навалилась усталость, к ней прибавилось раздражение от треска гравия, которым была посыпана дорога, мелкой дробью барабанившего по днищу машины. У какого-то моста нас слегка занесло. Потом навстречу нам попала воинская автоколонна. Ветровое стекло так залепило грязью, что дворники уже не справлялись. Х. молчал, мрачно крутил руль, весь поглощенный этим тяжелым автокроссом. Я уже жалел, что принял его предложение, и проклинал виски и мексиканцы. Но постепенно поездка становилась все более приятной. Долина опять появилась из мглы и ожила. Повсюду видны были фермы, кое-где попадались фабрики, все имело скромный и опрятный вид. Дорога пошла нормальная, хотя и мокрая, но без снега и гололеда, и можно было наконец ощутимо повысить скорость. Горы расступились, стало просторней, и вскоре мы остановились на автозаправочной станции.

Она производила странное впечатление. Возможно, потому, что своей нешвейцарской убогостью и запущенностью резко диссонировала с окружающей чистой и опрятностью. Со стен полукаменного-полудеревянного строения, казавшегося насквозь промокшим, ручьями лилась вода. Обращенная к дороге деревянная стена этого полусарая была сплошь в несколько слоев заклеена плакатами: «Табак „Буррус” для модных трубок», «Пейте тоник „Canada Dry”!», «Мятные таб-

летки „Спорт Минт”, «Витамины», «Молочный шоколад „Линдт”» и тому подобные. На торцевой стене гигантскими буквами было написано: «Шины Пирелли». Обе бензоколонки стояли напротив каменной половины здания на бугристой, плохо вымощенной площадке. Все здесь вызывало ощущение запущенности и унылости, несмотря на солнце, которое светило все ярче, все агрессивней.

— Выйдем! — предложил бывший префект полиции, и я послушно вышел из машины, еще не зная зачем, но радуясь возможности подышать свежим воздухом.

У открытой двери на каменной скамье сидел старик. Небритый и немывтый, из-под светлого рабочего халата, грязного, в жирных пятнах, выглядывали темные засаленные брюки от смокинга. На ногах у него были старые шлепанцы. Он тупо таращился в пустоту неподвижным взглядом, и я еще издали почувствовал запах водки. Абсента. Земля вокруг скамейки была усеяна окурками сигар, плававшими в лужах талой воды.

— Добрый день, — произнес префект вдруг немного смущенно, как мне показалось. — Заправьте, пожалуйста. Девяносто пятым. И протрите стекла. Войдемте внутрь, — обратился он ко мне.

Я только теперь заметил над единственным окном в поле зрения вывеску дорожного трактира в виде красного металлического круга, а над дверью надпись: «Роза». Мы вошли в грязный коридор, провонявший водкой и пивом. Префект, судя по всему не раз бывавший здесь, первым прошел вперед и открыл какую-то дверь.

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ

В полутемном убогом зале стояло несколько грубых деревянных столов со скамьями, по стенам были расклеены вырезанные из журналов фото кинозвезд. Австрийское радио передавало тирольский торговый бюллетень. За стойкой смутно маячила фигура тощей женщины. В пеньюаре. Она курила сигарету, ополаскивая бокалы и рюмки.

— Два крем-кофе, — заказал префект.

Женщина, ничего не ответив, занялась приготовлением кофе, а из соседней комнаты вышла неряшливого вида, растрепанная и нечесаная официантка лет тридцати.

— Ей всего шестнадцать, — буркнул префект.

Девушка, светловолосая, как когда-то, по-видимому, и женщина за стойкой, подала нам кофе. На ней была черная юбка и белая, надетая на голое тело полурасстегнутая блузка, из которой торчала грязная шея.

— Спасибо, Аннемари, — сказал префект и положил деньги на стол.

Та тоже не ответила и даже не поблагодарила за чаевые. Мы молча пили кофе. На редкость отвратительный. Префект закурил сигару. Восточноавстрийское радио перешло к уровню воды в реках. Девушка убралась в соседнюю комнату, где что-то смутно белело — очевидно, неубранная постель.

— Пошли, — произнес префект, поднимаясь из-за стола.

Взглянув на колонку, он рассчитался со стариком. Тот заправил полный бак и протер стекла.

— До скорого! — сказал префект, и мне опять бросилась в глаза его растерянность.

Старик и в этот раз ничего не ответил. Он уже опять сидел на своей скамейке, уставившись в пустоту тупым, погасшим взглядом. Подойдя к машине, мы еще раз оглянулись. Старик тряс сжатыми кулаками и произносил отрывистым полупшепотом, с просветленным лицом, освещенным изнутри непоколебимой верой:

— Я дождусь его! Дождусь! Он обязательно придет!

2

— Если честно, — начал доктор Х., когда мы подъехали к горному перевалу Керенцербег (дорога между тем опять покрылась тонкой коркой льда, под нами раскинулось озеро Валензее, враждебно поблескивавшее своим огромным ледяным оком; а на меня опять навалилась свинцовая тяжесть медомина, опять вернулось неприятное послевкусие от виски и странное чувство бессмысленности и бесцельности скольжения куда-то в каком-то нескончаемом сне), — если честно, я всегда скептически относился к детективным романам и считаю, что вы напрасно тратите на это силы и время. В вашем вчерашнем докладе, конечно, были интересные мысли... С тех пор как политики таким преступным образом проявили свою беспомощность — а уж я-то знаю, что говорю; в конце концов, я и сам политик, как-никак член Национального совета, как вам, вероятно, известно...

Мне это было неизвестно; его голос доносился до меня откуда-то издалека, но я внимательно слушал его, как затаившийся в норе зверек.

— ...люди надеются, что хотя бы полиции удастся привести мир в чувство. Правда, на мой взгляд, — глупее надежды не придумаешь. Но во всех этих криминальных историях насаждается еще один, совершенно особый вид лжи. Я имею в виду даже не то, что все ваши злодеи получают свою заслуженную кару. Без этой прекрасной сказочки, вероятно, не обойтись, с точки зрения морали. Она из тех лживых постулатов, на которых зиждется государство, как и наивная чушь о том, что «зло невыгодно». Достаточно взглянуть на человеческое общество, чтобы понять всю несостоятельность данной теории. На все это я готов закрыть глаза — хотя бы из чисто деловых соображений: ведь любая публика, любой налогоплательщик имеет право на своих героев и на счастливый конец, и тут мы с вами — и полиция, и ваш брат сочинитель — в равной мере призваны обеспечить ему эту услугу. Меня злит в ваших романах другое — действие! Вот тут вранье становится уже слишком откровенным и наглым. Ваше действие всегда построено на логике; все выглядит как в шахматной партии: вот преступник, вот жертва, вот сообщник, а вот выгодоприобретатель. Сыщику, знающему правила игры, достаточно разыграть партию, — и преступник изобличен, справедливость торжествует. Меня бесит эта профанация профессии следователя. Логика — далеко не панацея от всех зол. Хотя, должен признать, мы, полицейские, и сами вынуждены следовать логике, применять научный подход в раскрытии преступлений. Однако коэффициент помех, иногда сводящих на нет наши усилия, настолько высок, что своим успехом — или неудачей — мы чаще всего обязаны

исключительно профессиональному везению — или невезению — и случаю. Но в ваших романах случай не играет никакой роли, а если что-то и похоже на случайность, то это сразу же оказывается у вас судьбой или Божьим промыслом; правда обычно приносится вами, писателями, в жертву законам драматургии. Когда вы уже наконец пошлете к черту эти законы? Расследование нельзя рассматривать как математическую задачу уже хотя бы потому, что нам никогда не известны все необходимые данные; мы располагаем лишь немногими, чаще всего второстепенными фактами. К тому же случайные, непредвиденные, исключительные обстоятельства играют слишком важную роль. Наши законы основаны на вероятности, на статистике, а не на причинности и годятся лишь для общих, но никак не для частных случаев. Единичное находится за рамками всех расчетов. Наши криминалистические методы слишком несовершенны, и чем больше мы их развиваем, тем они бесполезней. Но вам, сочинителям, нет до этого никакого дела. Вы не пытаетесь ухватить за хвост реальность, которая то и дело ускользает от нас, вы конструируете собственный, подвластный, подконтрольный вам мир. Возможно, это совершенный, идеальный мир, но он — фикция, ложь. Если вы хотите докопаться до истины, до сути вещей, прикоснуться к действительности, — будьте мужчинами, плюньте на совершенство! Иначе вы так и останетесь бесплодными графоманами, упражняющимися в стилистике. Однако перейдем к делу.

Сегодня вы, наверное, то и дело удивлялись. Прежде всего, я думаю, моим странным речам: бывшему на-

чальнику кантональной цюрихской полиции следовало бы придерживаться более умеренных взглядов. Но я уже старик, и мне незачем себя обманывать. Я знаю, насколько мы беспомощны, как мало можем, как часто ошибаемся. Но я знаю и то, что мы тем не менее должны действовать — даже рискуя впасть в заблуждение.

Еще, я думаю, вас удивило, что я заехал на эту убогую автозаправку, и я сразу же открою вам причину: этот насквозь проспиртованный живой труп, который заправил нашу машину бензином, когда-то был моим лучшим сотрудником. Я, видит Бог, тоже кое-что смыслил в своем ремесле, но Маттеи был гением, которому ни один из ваших сыщиков и в подметки не годится...

Эта история началась почти девять лет назад, — продолжил господин Х., завершив обгон автоцистерны фирмы «Шелл». — Маттеи был одним из моих комиссаров, вернее, обер-лейтенантов, потому что у нас в кантональной полиции все имеют воинские звания. Он, как и я, был юристом по образованию. Будучи уроженцем Базеля, он закончил Базельский университет и вскоре получил прозвище Гроб с Крышкой — сначала в определенных кругах, с которыми, так сказать, имел дело «по долгу службы», а потом и у нас. Он был бирюк, волк-одиночка. Всегда аккуратно одетый, корректный, нейтральный, формально-безличный, никаких вредных привычек, но в работе жесткий и безжалостный, насколько эффективный, настолько же ненавидимый. Для меня он всегда оставался загадкой. Я был единственным человеком, относившимся к нему с симпатией — потому что вообще люблю людей, — хотя полное отсутствие юмора у него часто действовало мне на

нервы. Ум у него был выдающийся, но прекрасно отлаженная бюрократическая машина нашего государства вытравила из этого ума последнюю искру чувства. Он был сама организованность и полицейским аппаратом пользовался как логарифмической линейкой. Женат он не был и никогда не говорил о своей личной жизни, которой, скорее всего, и не существовало. Его не интересовало ничего, кроме работы, и он выполнял ее виртуозно, но без страсти. Несмотря на всю его целеустремленность и неутомимость, ему, казалось, было скучно, пока на него неожиданно не свалилось одно дело, которое пробудило в нем азарт.

Занятно, что доктор Маттеи тогда находился на пике своей карьеры. В департаменте в связи с ним возникла довольно щекотливая ситуация. Мне пора было уходить на пенсию, и в федеральном совете встал закономерный вопрос о моем преемнике. Маттеи был, собственно, единственной подходящей кандидатурой. Но принятию решения мешали некоторые серьезные обстоятельства. Во-первых, он не принадлежал ни к одной партии, да и многие коллеги встретили бы его назначение в штыки. С другой стороны, высшее начальство явно не решалось столь демонстративно обойти такого эффективного сотрудника. Поэтому просьба иорданского правительства прислать в Амман специалиста для помощи в реорганизации тамошней полиции пришлось как нельзя кстати. Цюрих предложил кандидатуру Маттеи, и ее одобрили как в Берне, так и в Аммане. Все уже с облегчением вздохнули. Он и сам обрадовался этому решению, и не только в плане работы. Ему тогда было пятьдесят, так что немного жар-

кого южного солнца ему бы не повредило. Он радовался предстоящему путешествию, полету над Альпами и Средиземным морем; возвращаться на прежнее место службы он, по-видимому, не собирался — судя по его намекам, что после командировки он намерен переехать в Данию, к сестре, одинокой вдове, и уже разобрал свой рабочий стол в управлении на Казерненштрассе, когда вдруг поступил этот звонок из Мэгендорфа, крохотного местечка неподалеку от Цюриха.

3

— Позвонил один из старых «клиентов» Маттеи, уличный торговец, разносчик товаров, по фамилии фон Гунтен, — продолжил доктор Х. после небольшой паузы. — Тот ничего толком не понял из его путаного сообщения. Да и заниматься этим делом в последний рабочий день у него не было никакого желания. У него уже был на руках билет на самолет, вылет через три дня. Но меня в тот момент в управлении не было, я сидел на совещании у высшего начальства в Берне и вернулся бы только к вечеру. А действовать надо было оперативно, и главное — грамотно. Любая ошибка могла все испортить. Маттеи связался с полицейским участком в Мэгендорфе. А дело было в конце апреля, там как раз шли дожди, фён добрался уже даже до города, но это противное, душливное тепло, от которого нечем было дышать, не уходило.

— У вас в Мэгендорфе тоже льет? — задал Маттеи риторический вопрос и помрачнел, услышав ответ Ризена, местного полицейского.

Дав указание тайно вести наблюдение за Гунтеном, сидевшим в трактире «Олень», он повесил трубку.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовался Феллер, помогавший шефу упаковывать его обширное хозяйство, целую библиотеку, накопившуюся за несколько лет.

— В Мэгендорфе тоже льет как из ведра, — ответил комиссар. — Поднимите по тревоге оперативную группу.

— Убийство?

— Еще и дождь — вот паскудство! — пробормотал вместо ответа Маттеи, не обращая никакого внимания на обиженного Феллера.

Прежде чем сесть в машину, в которой его уже с нетерпением ждали прокурор и лейтенант Хенци, он перелистал дело фон Гунтена. Тот уже имел судимость. За растление четырнадцатилетней девочки.

4

Приказ взять фон Гунтена под наблюдение стал первой ошибкой, которую нельзя было предусмотреть. В Мэгендорфе, крохотной деревушке, жили в основном крестьяне, хотя кое-кто и работал внизу, в долине, или на расположенном неподалеку кирпичном заводе. Было там, правда, несколько городских, перебравшихся жить на природу, — два-три архитектора, один скульптор, — но они не играли в деревне никакой роли. Все друг друга знали, большинство состояли в родстве. С городом эта деревня находилась в состоянии конфликта — не официального, а скорее скрытого. Потому

что окрестные леса принадлежали городу — факт, который никогда не признавал ни один уважающий себя мэгендорфец, что в свое время доставило немало хлопот управлению лесничества. Оно и добилось много лет назад, чтобы в Мэгендорфе было открыто отделение полиции, чему способствовало и то обстоятельство, что по воскресеньям Мэгендорф заполняли толпы горожан, а «Олень» и по ночам пользовался большой популярностью. Принимая все это во внимание, там, конечно же, давно уже нужен был полицейский, хорошо знающий свое дело. С другой стороны, к местным жителям требовался особый, неформальный подход. Участковый инспектор Вегмюллер, которого туда направили, очень скоро это понял. Он вырос в крестьянской семье, был большой любитель выпить и крепко держал своих земляков в узде, хотя и давал им так много поблажек, что мне следовало бы вмешаться, но я — не в последнюю очередь из-за нехватки кадров — видел в нем меньшее из зол. Проблема была решена, и я не докучал Вегмюллеру излишним вниманием. Но коллегам, замещавшим его на время отпуска, приходилось несладко. Что бы они ни сделали, в глазах мэгендорфцев все было неправильно. Хотя браконьерство и порубки в городском лесничестве, как и драки в деревне, с началом подъема в экономике отошли в прошлое, традиционная вражда местного населения с властями по-прежнему не угасала. Особенно тяжело пришлось Ризену. Это был простодушный парень, обидчивый, напрочь лишенный чувства юмора и вообще слишком чувствительный даже для нормальных условий, не говоря уже о постоянных насмешках мэгендорфцев. Из страха перед своими подопечными он ста-

рался не показываться им на глаза и совсем забросил ежедневные обходы и проверки. В таких условиях скрытое наблюдение за фон Гунтеном, конечно, оказалось невыполнимой задачей. Появление полицейского в «Олене», который он обычно обходил за три версты, стало сенсацией. Ризен так демонстративно уселся напротив фон Гунтена, что посетители мгновенно умолкли и навестили уши.

— Кофе? — спросил хозяин.

— Нет, — ответил Ризен. — Я здесь по служебным делам.

Все с любопытством уставились на фон Гунтена.

— А что он натворил? — спросил какой-то старик.

— Это вас не касается.

Небольшой зал с низким потолком — мрачная деревянная пещера — был насквозь прокурен, стояла духота, к тому же хозяин не включал свет. Посетители сидели за длинным столом, пили белое вино, а может, пиво и казались призраками в тусклом свете серебряных оконных стекол, по которым струилась вода. Из одного угла доносился стук настольного футбола, из другого — звяканье и улюлюканье американского игрового автомата.

Фон Гунтен пил вишневку. Ему было страшно. Он сидел сторбившись в углу, облокотившись на ручку своего короба с товаром, и ждал. Ему казалось, что он здесь уже целую вечность. Вокруг царили зловещий мрак и тишина. Небо за окнами постепенно прояснялось, дождь стихал, и вдруг выглянуло солнце. Только ветер все еще завывал, сотрясая стены. Когда к трактиру наконец подъехали машины, фон Гунтен облегченно вздохнул.

— Пошли! — сказал Ризен и встал.

Они вышли на улицу. Перед трактиром уже стояли темный лимузин и микроавтобус оперативной группы; к ним подъехала машина «скорой помощи». Деревенская площадь была залита ярким солнцем. У колодца стояли двое детей пяти или шести лет, девочка с куклой под мышкой и мальчик с хлыстиком.

— Садитесь рядом с шофером, фон Гунтен! — командовал Маттеи через окно лимузина, а когда тот почти с радостью, как будто только что избежал смертельной опасности, сел в машину, а Ризен в микроавтобус, прибавил: — Ну, покажите нам, что вы там нашли в лесу.

5

Пройдя к лесу по мокрой траве, поскольку дорожка раскисла от дождя и превратилась в непроходимое болото, они вскоре увидели маленький труп, лежавший в кустах, неподалеку от опушки. Все молчали. С шумящих деревьев все еще падали крупные капли, сверкающие, как алмазы. Прокурор бросил на землю сигару и смущенно растоптал ее. Хенци испуганно отвернулся. Маттеи сказал:

— Хенци, настоящий полицейский никогда не отворачивается.

Эксперты-криминалисты приготовили свои инструменты.

— Да, нелегко будет найти следы после такого дождя, — заметил Маттеи.

Среди полицейских вдруг очутились те самые дети, что стояли у колодца, девочка все еще с куклой,

а мальчик все еще с хлыстиком. Они с любопытством уставились на труп.

— Уведите отсюда детей!

Один из полицейских взял детей за руки и отвел на дорожку. Там они и остались стоять.

Из деревни уже спешили первые зеваки; среди них — хозяин трактира, которого можно было издали узнать по белому фартуку.

— Оцепить место преступления! — приказал комиссар.

Одни полицейские заняли посты, другие прочесывали окрестности. Потом засверкали первые вспышки фотокамер.

— Вы знаете эту девочку, Ризен?

— Нет, господин комиссар.

— А в деревне вы ее видели?

— Кажется, видел, господин комиссар.

— Вы закончили съемку?

— Сейчас сделаем еще два снимка сверху.

Маттеи терпеливо ждал.

— Ну что, следы есть?

— Ничего. Все смыло.

— Пуговицы осмотрели? Есть отпечатки?

— Бесполезно. После такого ливня...

Маттеи осторожно наклонился вперед.

— Бритвой, — констатировал он. Потом собрал рассыпанное печенье и осторожно положил в корзинку. — Кренделя.

Тут ему сообщили, что кто-то из деревенских хочет с ним поговорить. Маттеи выпрямился. Прокурор смотрел в сторону опушки. Там стоял седоволосый муж-

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ

чина с зонтом, висевшим у него на левой руке. Хенци прислонился к стволу бука. Он был бледен. Фон Гунтен сидел на своем коробе и тихо твердил:

— Я проходил здесь совершенно случайно, совершенно случайно!

— Приведите его сюда!

Седоволосый мужчина прошел сквозь кусты и в ужасе застыл на месте.

— Боже мой! — пробормотал он. — Боже мой!

— Могу я узнать ваше имя? — спросил Маттеи.

— Лугинбюль, учитель, — тихо ответил седоволосый и отвернулся.

— Вам знакома эта девочка?

— Это Гритли Мозер.

— А где живут ее родители?

— В Мосбахе.

— Это далеко отсюда?

— Минут пятнадцать.

Маттеи перевел взгляд на убитую. Он был единственный, кто мог спокойно смотреть на труп. Все молчали.

— Как это случилось? — спросил наконец учитель.

— Преступление на сексуальной почве, — ответил Маттеи. — Девочка училась в вашей школе?

— Да. В третьем классе, у фройляйн Крумм.

— У Мозеров еще есть дети?

— Нет, Гритли была единственным ребенком.

— Надо сообщить родителям.

Все опять замолчали.

— Может, вы, господин учитель? — спросил Маттеи.

Лугинбюль долго не отвечал.

— Не сочтите меня трусом... — произнес он затем нерешительно, — но я бы не хотел... Я не могу... — тихо прибавил он.

— Понимаю, — сказал Маттеи. — А господин пастор?

— Он в городе.

— Хорошо, — спокойно произнес Маттеи. — Вы можете идти, господин Лугинбюль.

Учитель пошел назад к дорожке. Там собиралось все больше и больше народа.

Маттеи посмотрел на Хенци, который все еще стоял, прислонившись к дереву.

— Пожалуйста, комиссар, только не я! — произнес он тихо.

Прокурор тоже отрицательно покачал головой. Маттеи еще раз взглянул на труп, потом на разодранную красную юбочку, пропитанную кровью и дождем, лежавшую поодаль, в кустах.

— Ну, значит, пойду я, — сказал он и поднял с земли корзинку с кренделями.

6

Мосбах находился в маленькой болотистой низине неподалеку от Мэгендорфа. Маттеи оставил служебную машину в деревне и пошел пешком. Он сознательно тянул время. Еще издали увидев дом, он остановился и оглянулся назад. Ему послышались чьи-то шаги. Это опять оказались мальчик с хлыстиком и де-

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ

вочка с куклой, только теперь с раскрасневшимися лицами. Они явно срезали путь, прибежав напрямик, — по-другому их появление было не объяснить.

Маттеи пошел дальше. Дом был низкий — белые стены с темными балками под гонтовой кровлей. За домом виднелись фруктовые деревья и чернела голая земля в саду. Перед домом мужчина колот дрова. Подняв голову, он заметил приближающегося комиссара.

— Что вы хотели? — спросил мужчина.

Маттеи медлил с ответом, не зная, как себя вести, затем спросил, чтобы выиграть еще несколько секунд:

— Вы господин Мозер?

— Да, это я. Что вы хотите? — еще раз спросил мужчина.

Он подошел ближе и остановился перед Маттеи с топором в руках. Ему было лет сорок на вид. Худой, с морщинистым лицом и пытливым взглядом серых глаз, впившихся в комиссара. В дверях появилась женщина. На ней тоже была красная юбка. Маттеи все еще не знал, что сказать. Он всю дорогу думал об этом, но никак не мог придумать. Ему пришел на помощь Мозер. Он заметил у него в руках корзинку.

— С Гритли что-нибудь случилось? — спросил он, пристально глядя в глаза Маттеи.

— Вы куда-нибудь посылали Гритли? — спросил комиссар.

— К бабушке в Ферен, — ответил Мозер.

Маттеи на секунду задумался. Ферен была соседняя деревня.

— А часто Гритли ходила туда? — спросил он.

— По средам и субботам, — ответил Мозер и вдруг со страхом в голосе произнес: — Зачем вам это все знать? И откуда у вас эта корзинка?

Маттеи поставил корзинку на пень, на котором Мозер колол дрова.

— Гритли наши мертвой в мэгендорфском лесу, — ответил он.

Мозер не шелохнулся. Как и его жена, все еще стоявшая на пороге в своей красной юбке. Маттеи видел, как по блевшему лицу Мозера ручьями заструился пот. Он хотел отвести взгляд, но не мог оторваться от этого зрелища, от этого залитого потом лица, и они несколько секунд молча неотрывно смотрели друг на друга.

— Ваша дочь убита, — услышал Маттеи свой голос как будто издали и разозлился, что в нем, как ему показалось, не прозвучало ни капли сочувствия.

— Не может быть!.. — прошептал Мозер. — Такие изверги на земле не водятся...

Его рука, сжимавшая топор, задрожала.

— К сожалению, водятся, господин Мозер, — ответил Маттеи.

Тот неотрывно смотрел на него.

— Я хочу видеть своего ребенка, — произнес он почти беззвучно.

Комиссар покачал головой:

— Не надо, господин Мозер. Я понимаю, это жестоко — то, что я говорю, но лучше вам сейчас туда не ходить.

Мозер подошел к комиссару. Он подошел так близко, что они смотрели друг другу прямо в глаза.

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ

— Почему мне лучше туда не ходить? — крикнул он. Комиссар молчал.

Мозер покачал рукой с топором, словно взвешивая его, прежде чем ударить непрошеного гостя, но потом повернулся и пошел к жене, все еще стоявшей в дверях. Так же неподвижно, так же молча. Маттеи ждал. От его внимания не ускользнула ни одна деталь, ни один жест, и он вдруг понял, что уже никогда не сможет забыть эту сцену. Мозер судорожно обнял жену и, уткнувшись ей лицом в плечо, затрясся от беззвучных рыданий, в то время как она застывшим взглядом смотрела в пустоту.

— Завтра вечером вы сможете увидеть вашу Гритли, — растерянно произнес комиссар. — Девочка будет выглядеть так, как будто она спит.

Женщина вдруг заговорила.

— А кто убийца? — спросила она таким спокойным и деловитым голосом, что Маттеи стало страшно.

— Я обязательно найду его, фрау Мозер.

Она посмотрела на него властно, угрожающе:

— Вы обещаете?

— Обещаю, фрау Мозер, — ответил он и почувствовал вдруг непреодолимое желание поскорее уйти прочь.

— Поклянитесь спасением своей души!

Комиссар на секунду опешил.

— Клянусь спасением души! — сказал он наконец.

Ничего другого ему не оставалось.

— Ну, тогда ступайте! — сурово произнесла она. — И помните: вы поклялись спасением души!

Маттеи хотелось сказать им еще что-нибудь утешительное, но в голову не приходило ничего подходящего.

— Мне очень жаль... — произнес он тихо и, повернувшись, медленно пошел обратно той же дорогой.

Впереди был виден Мэгендорф, дальше темнел лес. А над ним сияло безоблачное небо. Он снова увидел детей, сидевших на краю дороги. Они потрусили вслед за ним, когда он устало прошел мимо. Потом он услышал позади душераздирающий, звериный крик. Он ускорил шаги и так и не узнал, кто это кричал — Мозер или его жена.

7

Вернувшись в Мэгендорф, Маттеи сразу же столкнулся с первыми трудностями. Автомобиль оперативной группы въехал в деревню и ждал комиссара. Место преступления и прилегающие к нему участки леса были тщательно обследованы и оцеплены. Трое полицейских в штатском остались в лесу для скрытого наблюдения за прохожими. В надежде, что, может быть, удастся выйти на след преступника. Остальные члены оперативной группы должны были вернуться в город. Небо прояснилось, но дождь не принес облегчения. Фён все еще носился над землей, время от времени обрушиваясь на деревни и леса мягкими, упругими волнами. От неестественной духоты люди становились нервными, раздражительными, агрессивными. На улицах уже горели фонари, хотя вечер еще не наступил. Жители

Содержание

ОБЕЩАНИЕ	5
АВАРИЯ	157
СОБАКА	227
ТУННЕЛЬ	237

Дюрренматт Ф.

Д 97 Обещание : повесть, рассказы / Фридрих Дюрренматт ; пер. с нем. Р. Эйвадаса. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 256 с. — (Азбука Premium). ISBN 978-5-389-11030-4

В небольшом швейцарском городке зверски убита восьмилетняя девочка. Убийца не оставил никаких следов. Единственная улика — детский рисунок, который кажется слишком наивным, чтобы содержать разгадку преступления.

Однако детектив Маттеи дал обещание родителям отыскать убийцу, даже если на это уйдет вся его жизнь... «Обещание» — самый известный роман швейцарского классика Фридриха Дюрренматта. В 2001 году по его сценарию режиссером Шоном Пенном был снят одноименный фильм, главную роль в котором сыграл Джек Николсон.

В настоящую книгу также вошли три рассказа: «Авария», «Собака» и «Туннель». Все тексты представлены в новом переводе известного переводчика Романа Семеновича Эйвадаса.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Шва)-44

Литературно-художественное издание

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ ОБЕЩАНИЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Ирина Сологуб
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.07.2016. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 10,32. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YLAP1906001R